

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₉₎
ОСЕНЬ — ЗИМА
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Хилйат ал-куттаб» («Талисман для *катибов*»): секреты мастерства средневековых *катибов*. Вступление, перевод с персидского яз. и комментарии *Б.В. Норика* 5
- «Диван» курдского поэта Джафаи (XIX–XX вв.) на диалекте горани. Транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой* 18
- Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН. Предисловие и перевод *К.М. Богданова* 44

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосровев*. Еще раз о ПᲚᲠᲟᲚ (ЕвИуд) 33.18–21) 56
- Р.В. Ким*. Логии в синоптических Евангелиях. Постановка проблемы 62
- А.Б. Куделин*. «Коллективный иснад» как фактор композиции «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама 75
- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары 100
- М.Е. Кравцова*. О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се 126
- И.С. Гуревич*. «Сутра Шестого Патриарха»: ресурсы грамматической стилистики 137
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: некоторые особенности содержания 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.К. Муминов*. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави 159
- Ф.О. Нофал*. К вопросу о «конфессиональной» коранической текстологии: между «буквой» и «[вариантом] прочтения» 177
- М.С. Пелевин*. Топонимика и локализация действия в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.) 182

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2013

	<i>И.Н. Медведская.</i> Копьеносец из Сялка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке	192
	<i>Чжан Хуэймин.</i> Изображение горы Утайшань в пещере № 61 и его отражение в тексте «Оды горе Утайшань» (на французском языке)	203
	КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
	<i>С.М. Якерсон.</i> Еврейская средневековая книга в форме свитка. К постановке проблемы научного изучения	233
	<i>Валравенс Хартмут.</i> Японские книги из коллекции Вильгельма Грубе, приобретенные им в 1897–1898 гг. (на немецком языке)	240
	<i>Пэн Сян-цзянь, Ю.С. Мыльникова.</i> Китайское тангутоведение в начале XXI века	257
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
	<i>М.М. Юнусов.</i> Чтения, посвященные памяти О.Д. Берлева	266
	<i>И.Ф. Попова.</i> «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки». Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга	271
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)»	276
	<i>Д.А. Носов.</i> Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.)	279
	<i>М.А. Редина.</i> Конференция, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева	282
	<i>А.В. Зорин, А.А. Сизова.</i> Вторые петербургские тибетологические чтения	284
	<i>А.И. Колесников, О.А. Воднева, З.А. Юсупова.</i> Международная конференция «Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока»	287
	<i>И.В. Кульганек.</i> XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»	292
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых)»	295
	<i>К.Г. Маранджян.</i> Международная конференция «Азия и японская идентичность»	300
	<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	303
	<i>С.Л. Бурмистров.</i> 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество».	306
	РЕЦЕНЗИИ	
На четвертой сторонке обложки:	Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 304 с. (<i>И.В. Кульганек</i>)	310
Тангутский погребальный обрядник инв. № 4084 (к статье К.М. Богданова)	Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. колл.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова — СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013. — 144 с. (<i>М.П. Петрова</i>)	313
Над номером работали:	<i>Michail Rodionov, Hanne Schönig.</i> The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (<i>И.В. Герасимов, О.Б. Фролова</i>)	315
Т.А. Аникеева	<i>А.И. Колесников.</i> Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с. (<i>Ю.А. Иоаннесян</i>)	319
Г.Е. Ковтунович	IN MEMORIAM	
А.А. Ковалев	Александр Степанович Мартынов (1933–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	322
О.В. Мажидова		
О.В. Волкова		
А.Е. Танчарова		
Е.А. Пронина		
© Российская академия наук, 2013		
© Институт восточных рукописей РАН, 2013		

Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2012. — 304 с.

В сборнике собраны статьи и тексты выступлений, прозвучавших на заседаниях очередного круглого стола, проходившего в Улан-Удэ летом 2012 г. Подобные мероприятия, посвященные осмыслению опыта и перспектив взаимодействия современной науки и буддизма, стали постоянными акциями, приуроченными ко Дню рождения Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо, являющегося одним из инициаторов проекта сотрудничества светских ученых и буддийских философов.

Сборник состоит из трех разделов: «Наука и буддизм: актуальные направления взаимодействия и перспективы межкультурного диалога», «Философские и теоретико-методологические аспекты изучения буддизма» и «Буддизм и современное общество». В него включены статьи главным образом российских ученых из Улан-Удэ, а также материалы ученых из других городов России: Москвы (С.Л. Кузьмин), Самары (Л.Б. Четырова), Санкт-Петербурга (А.С. Колесников), Новосибирска (В.В. Лыгденова), Екатеринбурга (В.Н. Руденко), иностранных философов (Джампа Самтэн, Лобсан Норбу Шастри, Сарнатх, Индия) и ученых из ближнего зарубежья (С.В. Капранов, Киев, Украина). Сборник открывает текст выступления д.и.н., чл.-кор. РАН, директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Б.В. Базарова. В приветственном слове он отметил выдающиеся заслуги Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо, которые им были достигнуты в деле система-

тического сотрудничества ученых и буддийских практиков. Много лет живя за пределами родной страны, он посвятил свою жизнь делу сохранения уникальной тибетской цивилизации, стержнем которой является буддизм, а также межкультурному диалогу и установлению взаимопонимания между представителями разных мировоззренческих традиций и ценностных ориентаций. Чувствуя свою ответственность в качестве духовного и национального лидера за будущее шестимиллионного тибетского народа, Далай-лама принял решение отказаться от борьбы за независимость Тибета и следовать политике Среднего пути (политика, сформулированная с учетом того, что «единство и сосуществование китайского и тибетского народов важнее политических требований тибетского народа»). Курс Среднего пути, основанный на принципах ненасилия, равноправия народов и мирного сосуществования, нашел поддержку у подавляющего большинства тибетской диаспоры в Индии, а также вызывает уважение к Его Святейшеству со стороны мирового сообщества. Философское мировоззрение Его Святейшества Далай-ламы и его общественная деятельность по утверждению универсальных человеческих ценностей — это важные моменты единого подхода Его Святейшества к пониманию мира и человека. Ненасильственная борьба за разрешение тибетского вопроса и участие в научных конференциях вместе с известными учеными — это взаимосвязанные аспекты его деятельности. Ныне взаимодействие буддизма и науки перешло от первоначальных контактов и диалога к систематическому сотрудничеству, и благодаря этому обе взаимодействующие стороны обогащаются.

Наука получает от буддизма эвристические импульсы. Буддизм благодаря науке освобождается от некоторых устаревших представлений, например, касающихся космологии.

Светская наука и буддийская философия помогают современным людям в познании истины, чтобы с ее помощью преодолеть собственную ограниченность и раскрыть совершенную природу сознания. Одним из стратегических научных направлений Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, отметил Б.В. Базаров, является изучение интеллектуального потенциала буддизма и возможностей использования буддийских знаний на благо современного человечества. Эта задача тем более актуальна, что мир сегодня находится в критической точке своего существования.

Первый раздел включает статьи П.П. Дашинамаевой (Улан-Удэ), С.Ю. Лепехова (Улан-Удэ), Лобсан Норбу Шастри (Сарнатх, Индия), В.Г. Лысенко (Москва), О. Лхагва, Ц. Сайнсанаа, Л. Эрдэнчимэг (Улан-Батор, Монголия), Н.В. Пупышевой (Улан-Удэ), И.С. Урбанаевой (Улан-Удэ), Л.Б. Четыровой (Самара). Открывает раздел статья П.П. Дашинамаевой «Некоторые аспекты речемышления, сознания и познания: компаративистские наброски о подходах в науке и буддийской философии». Проведя анализ ряда положений познания, мышления и языковой объективации, рассматриваемых в науке и буддийской философии, автор приходит к выводу, что объекты рассмотрения буддизма трудно отнести к религиозным. Она считает, что поступательная эволюция внешней стороны жизнедеятельности не позволяет свидетельствовать о прогрессе мыслительно-познавательной способности Homo sapiens, поскольку открытия или концепции современных лингвистик и философии языка в основе своей подтверждают соответствующие тезисы буддийской философии, разработанные 1500–2000 лет назад.

В статье «Ценности буддийской цивилизации и идеалы рациональности в современной науке» С.Ю. Лепехов останавливается на вопросах развития западной и буддийской цивилизаций и тех ценностях, которые их объединяют. Он считает, что, несмотря на различия в духовной сфере, перед мировым сообществом в целом стоят одинаковые цели. Если сравнить рекомендуемые специалистами в области глобальных проблем современности ориентиры и идеалы наиболее оптимальной модели развития человечества в XXI в. с основными экономическими, экологическими, культурными и духовными параметрами буддийской цивилизации, то окажется, что многие из этих идеалов уже давно были вопло-

щены в жизнь многими поколениями индийцев, китайцев, японцев, корейцев, тибетцев, монголов, бурят, калмыков, вьетнамцев, кхмеров, тайцев, сингалов, бирманцев и представителей других народностей. Отсутствие претензий на исключительность и открытость буддизма к широкому философскому диалогу делают его все более привлекательным для интеллектуальной элиты в качестве нейтрального идейного поля, открывающего возможности для самых разнообразных контактов на всех уровнях.

В статье В.Г. Лысенко «Буддийский атомизм в свете современных понятий „эмерджентные свойства“ и „квалия“» исследуются буддийские понятия вещества и их влияние на познание человеком мира. Автор приходит к выводу, что по буддийским понятиям мир — это то, что мы воспринимаем и познаем, что определяется нашими познавательными инструментами, а не нечто постоянное и неизменное, не некое объективное положение вещей. Таким образом, термины «эмерджентность» и «квалия» могут на законных основаниях стать элементами метаязыка применительно к буддизму. Разумеется, они наполняются несколько иными смыслами, но это только послужит их обогащению. Благодаря их применению можно увидеть в этой инкультурной традиции аспекты, представляющие интерес в перспективе поисков.

Коллективная статья монгольских авторов О. Лхагвы, Ц. Сайнсанаа, Л. Эрдэнчимэг «Физика и восточная философия» проводит параллель между современными взглядами на природу вещей и процессами, протекающими в мире, с точки зрения современного развития науки и древнего интуитивно-мистического мироощущения, свойственного буддизму. Авторы статьи приходят к выводу о неуклонном сближении этих двух позиций. Прогресс современной физики и синергетики приближает момент раскрытия тайны исходных точек науки и мистической философии. Тэнгрианство было движущей силой цивилизации степных кочевников. Основания и особенности этой, как считают авторы, интуитивной науки, которая не потеряла своей актуальности для монголов и в настоящее время, с развитием «постнеклассического» мировоззрения, становятся более понятными современным исследователям.

Статья Н.В. Пупышевой «Поиск новой парадигмы: буддизм и квантовая физика» раскрывает сходство истин буддийского учения и последних открытий современной науки.

Это сходство рассматривается автором на основе документального фильма «Where Science and Buddhism Meet» («Там, где встречаются буддизм и наука»). Между буддийским взглядом на реальность и тем, как ее понимает современная наука, обнаруживается много общего. Научные открытия последнего времени, такие как теория относительности, квантовая механика, основные свойства физического вакуума, антропный принцип и многие другие, органично вписываются в буддийскую картину мира. Данные современной науки как бы подтверждают валидность основополагающей модели миропонимания буддизма. Но в то же время буддийская модель миропонимания настолько отличается от западной, что ряд понятий, казалось бы, общих для западных ученых и буддистов, имеют разное смысловое наполнение. Основное различие между принципами буддийской и западной эпистемологии лежит в сфере отношений субъекта и объекта познания. Для буддизма характерна субъектная направленность познания, для западной мысли — объектная, в соответствии с чем сформировались разные модели мира, характерные для этих культур. Буддийская и западная модели мира отличаются друг от друга точкой отсчета. Водоразделом между буддийским учением и поисками истины западных ученых остается также отношение к нравственности. Для западной физики это понятие находится вне пределов ее компетенции. Для буддийского учения нравственность — основа, игнорирование которой лишает познание смысла.

В статье И.С. Урбанаевой «Наука и буддизм: история встречи, компаративистика и перспективы взаимодействия» рассказывается о моментах схождения буддизма и современной науки. Процесс взаимодействия буддизма и западной науки углубляется благодаря инициативам людей с «подлинно открытым умом». Прежде всего к таким людям относится Далай-лама XIV с его постоянным интересом к науке и готовностью к диалогу с учеными. Благодаря его инициативе дважды в год проходят научно-теоретические конференции «Ум и жизнь» с привлечением ведущих ученых и представителей буддизма. Эти совместные конференции, с одной стороны, дают в руки ученых новые инструменты в их изысканиях, с другой — позволяют проверять на прочность теоретические основы буддизма. В статье говорится о первых достижениях в результате взаимодействия науки

и буддизма: в первую очередь в области неврологии и нейрофизиологии. На современном этапе взаимодействие буддизма и науки переходит от первоначальных контактов и диалога к постоянному активному сотрудничеству, которое обогащает обе взаимодействующие стороны. Рассматривая области взаимодействия буддизма и современной науки, И.С. Урбанаева показывает расхождения и сходство взглядов в интерпретации тех или иных явлений. Это касается в первую очередь взаимодействия буддизма с научным материализмом, физикой, биологией, космологией, философией и т.д. Буддизм, две с половиной тысячи лет назад обосновавший базовую доброту человеческой природы, предлагает сегодня от лица Его Святейшества Далай-ламы и других буддийских философов, ученых, практиков свои философские открытия современному человечеству в качестве якоря веры в фундаментальные и универсальные этические принципы.

Л.Б. Четырова в статье «Опыт рецепции философии буддизма: философ Мераб Мамардашвили» рассказывает об одном из немногих российских философов, соединившем две философские традиции — западную и восточную.

Второй раздел сборника представлен работами А.А. Базарова «Отдельные сочинения в области Дулва (Винья), характеризующие схоластическое монастырское образование в Бурятии (XIX–XX вв.)», Джемпы Самтэна «An attempt to assess the historical development of Buddhism through a comparative textual study of Mahaparinirvanasutra» («Попытка оценки исторического развития буддизма через сравнительную текстологию „Махапаринирванасутры“»), Д.С. Жамсуевой «Характеристика основных направлений научных исследований К.М. Герасимовой», С.В. Капранова «Интерпретация буддизма в работах М. Элиаде», Ч.Ц. Цыренова «Особенности перевода и интерпретации древнекитайских текстов (на материале ранних синобуддийских текстов)», И.С. Урбанаевой «Проблема реальности и сознания как интегральное основание компаративистского исследования западной и буддийской философии», Л.Е. Янгутова «О преподавании буддизма в высших учебных заведениях России». В этих статьях освещаются вопросы буддийского монастырского образования в Бурятии, исследования буддизма западными философами, схождения и различия в западных и восточных фи-

лософиях, современные подходы к изучению восточных философий, перспективы сотрудничества западных и восточных философов, а также проблемы, касающиеся преподавания буддизма в высших учебных заведениях России.

В третий раздел сборника вошли работы Д.Д. Амоголоновой «Буддийское возрождение в контексте социокультурной модернизации (на материалах современной Бурятии)», Н.Д. Болсохоевой «Тибетские Манба-дацаны и развитие классического медицинского образования в Тибете», В.В. Бороноева «Опыт научной объективизации и автоматизации метода диагностики по пульсу», П.К. Варнавского «Диалог науки и религии в условиях глобализации: в поисках взаимной опоры (на примере традиционных конфессий в Республике Бурятия)», А.С. Колесникова «Буддизм и культура России на рубеже XIX–XX вв.», С.Л. Кузьмина «Отношения „наставник — покровитель“ и проблема статуса Тибета», В.В. Лыгденовой «Символика Ступы Паринирваны на примере Хонхо-субургана, посвященного Аграмбе Гомбо Заяевичу Занданову», Д.О. Петоновой «Индо-тибето-монгольская цивилизация и „бурятский буддизм“», В.Н. Руденко «Институт жеребьевки из Золотой урны и политические процессы в тибетском буддизме», М.М. Содномпиловой «Организация сакрального пространства в современном бурятском жилище». В этих статьях освещаются вопросы буддизма в России, развития классического медицинского образования в Тибете (Д.Д. Амоголонова), современные достижения тибетской медицины и диагностики и возможность создания интеллектуального информационно-вычислительного диагностического комплекса тибетской медицины с экспертной диагностической системой (Н.Д. Болсохоева и В.В. Бороноев). Также исследуются вопросы взаимодействия РПЦ и буддизма — традиционных конфессий России, их отношение к науке и научным достижениям, влияние на развитие национальных культур (П.К. Варнавский и А.С. Колесников).

Главный вывод статьи В.В. Лыгденовой сводится к тому, что Хонхо-субурган, созданный в память о выдающемся буддийском деятеле Гомбо-ламе, является не только мемориалом, поставленным земляками в благодарность великому Учителю, он несет в себе глубинный смысл буддийской философии, состоящий в том, что цель каждого практикующего буддиста — достижение просветления.

В статье Д.О. Петоновой рассматривается более чем трехсотлетняя история распространения буддизма в Бурятии, начиная со времен царской России и до настоящего времени, включая периоды упадка и возрождения. Автор отмечает проблемы, связанные в первую очередь с идеей автокефальности буддийской церкви России. Эта внутренне противоречивая идея навязана современному обществу общественно-политическим контекстом и международной ситуацией. В.Н. Руденко рассказывает о проблемах, стоящих перед буддийским духовенством, в связи с возрождением в КНР института жеребьевки из Золотой урны кандидатов для идентификации и легитимизации *тулку* (в качестве *тулку* признаются намеренные перерождения авторитетных духовных лидеров, достигших просветления). М.М. Содномпилова говорит о современном обустройстве бурятского жилья в соответствии с традициями шаманизма и буддизма, в зависимости от идейных предпочтений той или иной бурятской семьи.

Таким образом, сборник статей конференции, посвященной связям науки и буддизма, является доказательством глубокого интереса научного сообщества к теме соотношения на современном этапе методов постижения мировых законов светской наукой и буддистами. Сближение точек зрения и взаимопроникновение ряда положений науки и буддийского мировосприятия дают надежду на позитивное и результативное взаимодействие светской и буддийской науки в будущем на благо всего человечества.

И.В. Кульганек

Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. кол.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013 — 144 с.

Вышел в свет 10-й выпуск журнала петербургских монголоведов «Mongolica». Данное периодическое издание, включенное в список рекомендованный ВАКом для защиты кандидатских и докторских диссертаций, является единственным журналом по монголоведению в России подобного плана. Его авторы — преимущественно отечественные монголоеды из Санкт-Петербурга и Москвы. Ряд статей написан учеными из других монголоведческих центров России и зарубежными специа-

листами. Выпуск посвящен 90-летию крупного ученого, литературоведа, доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Людмилы Константиновны Герасимович. О ее многолетней научной и педагогической деятельности, монографиях по истории современной монгольской литературы, творческой работе в Монголии пишут в предисловии И.В. Кульганек и Л.Г. Скородумова. Л.К. Герасимович более десяти лет возглавляла кафедру монгольского языка и литературы Восточного факультета Ленинградского университета, вел ряд спецкурсов по монгольской литературе и фольклору. Она воспитала плеяду монголоведов, которые работают в настоящее время в России, Монголии и на Западе, среди них не один десяток кандидатов и докторов наук. Является автором четырех монографий по истории монгольской литературы и стихосложению.

Выпуск имеет разделы: «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Историография, источниковедение», «Рецензии и научная жизнь» и «Наши переводы». Первый раздел открывает обширная статья профессора Л.Г. Скородумовой «Модель пространственно-временного континуума в монгольской культуре». Анализируя специфику монгольского языка, автор использует лексический материал как источник для реконструкции модели мира в представлении древних монголов. Л.Г. Скородумова рассматривает семантику слова *цагаан* («белый») и его символику в монгольской языковой культуре. В статье прослеживаются этапы построения архетипической модели мира в мифопоэтической семантике традиционной для кочевников Монголии картины мира.

О.А. Сапожникова в статье «Структура художественного текста в описании духовного облика монгольского народа» на примере известного психологического рассказа С. Эрдэнэ «Камень в сердце» ищет ключ к пониманию глубинной структуры монгольской словесности. Сэнгийн Эрдэнэ (1929–2000) явился продолжателем традиций, заложенных в XIX–XX вв. такими выдающимися авторами, как В. Инджинаш, Д. Равджа, Д. Нацагдорж. Он — основоположник жанра психологической новеллы в новой и новейшей монгольской литературе. Анализируя один из многочисленных коротких рассказов этого автора, О.А. Сапожникова приходит к выводу, что С. Эрдэнэ — яркий выразитель духовной ментальности своего народа.

Представлениям о нечистой силе в современной монгольской фольклорной традиции посвящена статья А.А. Соловьевой. В ней затрагиваются такие важные вопросы, как соотношение традиции и массовой культуры, трансформация фольклорных сюжетов в современной городской среде, развитие монгольской демонологической традиции в социокультурных условиях начала XXI в. В качестве фактологического материала А.А. Соловьева использует тексты демонической тематики, так называемые *чотгэрийн яриа*. Особенно ценным является то, что многие из анализируемых текстов собраны автором статьи лично в Улан-Баторе в 2009–2010 гг.

Основные принципы транскрипции монгольских слов в китайско-монгольском словаре конца XVI — начала XVII в. «Дада юй Бэйлуинюй» рассматриваются в статье П.О. Рыкина. Автор выделяет и подробно останавливается на трех основных принципах, составляющих основу транскрипций словаря. В статье также подчеркивается влияние на систему транскрипций словаря различных этапов фонетической эволюции китайского языка.

С привлечением материалов своей экспедиции в район озера Хубсугул написана статья И.В. Кульганек «Фольклорное воплощение феномена Прихубсугуля — Даян Дэрх». В этих местах с древнейших времен проживают различные монгольские народности. Даян Дэрх — древнее шаманское божество, обитающее в одноименной пещере, которая находится в 150 км от центра Хубсугульского аймака Монголии г. Мурена. И.В. Кульганек в статье впервые анализирует посвященное этому феномену авторское (Л. Галбаабдраа) литературное произведение и доказывает фольклорное начало этого авторского текста, а также его связь с более поздними культурными и религиозными традициями монголов.

Несомненный интерес как специалистов-историков, так и широкого читателя вызовет статья академика Е.И. Кычанова «Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту „Новых законов Ся“)». В ней автор детально описывает устройство тангутско-татарской границы, организацию пограничной службы во времена правления Чингисхана, а также войны против государств Ся и Цзань. Эта статья явилась одной из последних научных публикаций академика Е.И. Кычанова.

О монгольском переводе сборника «Сто тысяч песнопений Миларепа» рассказывает

в своей статье А.А. Туранская. Двум монгольским рукописям *намтара* (жизнеописания) Гампопы — ученика Миларепы посвящена статья К.В. Алексеева.

О различных событиях в монголоведной научной и культурной жизни рассказывается в статьях Б. Дайриимы, О.Н. Полянской, Т.Г. Басанговой, Л.В. Четырковой. В этом же разделе публикуются рецензии на новые издания.

В разделе переводов представлены рассказы современных монгольских писателей Т. Баянсана, С. Эрдэнэ, П. Лувсанцэрэна, С. Пурэва и Д. Гармы в переводах Л.Г. Скородумовой, О.А. Сапожниковой, К. Ким.

Выпуск снабжен краткой аннотацией на английском языке.

Десятый номер журнала «Mongolica» вносит новый вклад в российское монголоведение, представляя обзор современных историко-филологических исследований монголоязычного ареала.

М.П. Петрова

Michail Rodionov, Hanne Schönig. The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg. vom Orient-Institut Beirut. Bd 130).

Это солидное издание, подготовленное Михаилом Анатольевичем Родионовым и Ханне Шёниг, посвящено рассмотрению вопросов, связанных с семейной жизнью и социальными традициями в период власти султанов двух династий — ал-Касири и ал-Куайти в Хадрамауте. В основе исследования лежат документы из местных архивов, относящиеся к периоду 1904–1951 гг.

Импульсом для совместного написания книги была работа авторов в архивах в городе Сайун (Вади Хадрамаут). Исследователи имели возможность познакомиться с богатейшим собранием документов и сумели выполнить очень большую и плодотворную работу по переводу и анализу значительной части сведений.

Поскольку работа с архивами и общение с местными жителями требовали личного присутствия авторов в Йемене, то впечатляет число полевых сезонов, проведенных в этой стране: М.А. Родионов с 1983 по 2008 г., а Ханне Шёниг с 1996 по 2000 г.

Рассматриваемые в тексте монографии документы, изученные и переведенные на английский язык, обусловили географические границы исследования. Это районы Южной Аравии, известные как Хадрамаут и находившиеся под управлением султанов ал-Касири с XIV в. и их соперников ал-Куайти, которые в XIX в. отвоевали значительную территорию вдоль побережья Индийского океана. Конец власти султанов был положен в 1967 г.

Во Введении оговариваются цели и методы исследования. Выделяются три основных цели: 1) «представить корпус архива ал-Касири в Сайуне; 2) сохранить уходящую из употребления местную лексику, заимствованную из Южной и Юго-Восточной Азии и из других мест, нередко касающуюся повседневной жизни; 3) осветить социальные и культурные условия и социальную жизнь во время правления последних султанов...» (с. 2–3). Основными источниками проведенного авторами исследования являются тексты указов, корреспонденция, соглашения. Наряду с письменными сообщениями авторами активно использовались информанты из числа местных йеменцев среднего и старшего возраста, очевидцы событий и представители семей, родственников указанным в работе правителям и местной творческой и научной интеллигенции.

Материалы книги разделены на две части — «Повседневная жизнь в условиях правления султанов ал-Касири и ал-Куайти» и «Документы». В первой части рассматриваются социальная специфика общества Хадрамаута, культура повседневности, жизненный цикл, включая рождение, брак, похороны, религиозная жизнь, посещения могил праведников и др.

Во второй части помещены факсимиле документов, арабские тексты, соответствующие приведенным документам, перевод на английский язык.

В монографии имеются приложения с хронологией правителей двух вышеуказанных династий, а также подробная библиография. Приводятся индекс названий и документов, иллюстрации и подписи к фотографиям.

Первая часть открывается характеристикой иерархии страт йеменского общества (от «сада» до «абид») (с. 13).

В поле зрения авторов оказываются социальные организации, сложившиеся в городах (кварталы), которые обеспечивали поддержку султанов и, насколько можно судить из текста, хорошо ими контролировались.

Далее освещаются вопросы миграции йеменцев из Хадрамаута. Чрезвычайно интересной в исследовании выглядит характеристика йеменских землячеств, образованных переселенцами с Юга Аравии в азиатских и африканских странах: Индонезии, Сингапуре, Индии (Малабаре), в Восточной Африке — на Занзибаре, в странах бассейна Красного моря — Саудовской Аравии, Судане и Египте. Несмотря на определенное инкорпорирование в жизнь «принимающих» йеменцев обществ (обучение в местных школах, знание языка, вхождение в деловые отношения, даже создание семей), внутри общин не происходил разрыв связей с родиной. Благодаря укрепившимся в Азии и Африке общинам, особенно перед Второй мировой войной, йеменцы самым серьезным образом смогли повлиять на приток финансов извне на территорию Хадрамаута и насыщение местного рынка импортными товарами. Для повышения собственного статуса разбогатевшие представители диаспор скупали на своей «исторической родине» земли и пальмовые деревья. Авторы справедливо отмечают, что местное хадрамаутское общество под воздействием извне оказалось перед необходимостью пересмотра некоторых прежних социальных племенных функций. В стране стали создаваться новые полиция, армия, модернизированные юридическая, финансовая и образовательная системы.

Местные шейхи и правители сумели распространить через «невидимые» узы социальных связей свой контроль и в диаспорах. Говоря о разделении между ролью мужчины и женщины в семье и обществе, авторы отмечают, что мужчина в социальной жизни Хадрамаута занимает господствующее положение. Уделом женщины остаются редкие выходы за пределы дома за покупками, для посещения соседок и родственников.

В параграфе «Обряды жизненного цикла» (с. 21–36) содержится описание, с приведением арабских терминов, важнейших событий жизненного цикла жителей Хадрамаута от рождения до смерти. Он открывается описанием сложившейся традиции перемещения беременной женщины в преддверии родов в родительский дом. При родах помимо матери роженицы присутствует акушерка («хаддама», данный термин имеет соответствующий ряд синонимов, в частности «муваллада», «мунаффаса»). Авторы исследования сообщают также количественные данные относительно

упоминаемых терминов в архивных документах, что позволяет лучше ознакомиться с контекстом и мотивами помещения соответствующей информации в основной корпус книги. Излагаются сведения о наречении ребенка именем («шамма») и традиции отрезания волос с головки младенца, как правило, в течение семи дней после родов. Послеродовой период длится сорок дней для представительниц среднего социального слоя и двадцать для низших сословий. В этот период в родительский дом жены отправляют определенные виды еды, в частности кашу («асида»). По истечении сорока дней перед возвращением в дом мужа на руки и ноги молодой матери наносятся хной рисунки.

Вторым важным событием жизненного цикла йеменцев можно считать обрезание («хитан»), которое производят или в очень раннем возрасте (семь дней), или позже: от семи до одиннадцати лет. Известно, что в Хадрамауте практиковалось и обрезание для девочек, тем не менее документального подтверждения этому нет. По поводу празднования дня обрезания мальчика гости собирались в большие процессии с барабанным боем. В связи с исполнением этой церемонии гостями приносились в дар небольшие денежные суммы.

Брачные церемонии могут продолжаться от нескольких дней до нескольких месяцев. Специфика брачных праздников, как отмечают авторы рассматриваемой работы, зависела от племенных и локальных особенностей. Она получила отражение в архивных документах. В исследовании приводится терминология, которая относится к порядку передачи подарков, совместного испития кофе, передачи выкупа за невесту («мадад», «кахват ал-мадад», «махр»). Рассказывается о попытках местных улемов ограничить и регламентировать постоянно увеличивавшиеся размеры выкупа («махр») в 1940-е и 1950-е годы.

После передачи выкупа семья жениха направляет своего представителя («далил») к шейху («вали»), чтобы оговорить день свадьбы. Далее следует церемония («дахина») в семье жениха, что совпадает с церемонией («кабда») в семье невесты. Это первый вечер свадебных праздников. Ноги жениха покрываются хной под звуки специальных посвященных этому событию песен. В доме невесты собираются только женщины, при этом голова и лицо невесты закрыты. После завершения церемонии специально приглашенная мастерица («муханния») окрашивает девушке

некоторые части тела хной. Для закрепления эффекта окрашивания используется химический препарат («*шабб*»), который в сочетании с хной делает цвет более темным и, вероятно, стойким. После окраски хной волосы девушки моют, пропитывают маслом и укладывают специальным образом профессиональные парикмахеры.

Центральным событием в церемониях, связанных с бракосочетанием, является «*харауа*» — посещение женихом дома невесты, что сопровождается подписанием брачного контракта и вечерним празднованием. В этот день жених одет в лучшие одежды, характерные для его сословия, и тогда же семьи новобрачных принимают наибольшее число гостей.

Брачный контракт («*акд ал-Куран*») готовится примерно за неделю до брачных церемоний. Торжественный переход невесты в дом жениха называется «*заффа*», или «*зафаф*» и сопровождается песнями, танцами, игрой на барабанах. Свообразным завершением праздников этого дня является снятие с головы невесты покрывала.

Утро следующего дня, которое молодая жена впервые встречает в доме мужа, называется «*субха*». Надо отметить, что авторы приводят довольно большое число документов, посвященных этому событию или связанным с ним (с. 31).

На третий день брака («*зилла*») молодой жене позволяет впервые предстать перед обществом. После свадебных торжеств интерес может представлять визит молодой жены в дом своего отца («*хатра*»). Это неспешная процессия, сопровождаемая звуками барабана и трелями флейт.

Параграф «Подарки и денежные подношения» имеет непосредственное отношение к изложенному выше материалу. Перед «*харауа*» родственники и знакомые ходят с деньгами в качестве свадебного подарка («*тарх*») вокруг сидящего жениха, а затем их рассыпают. Деньги помещают в сосуд и передают «*вали*» жениха, в качестве помощи. Подарки делаются также для женщин-музыкантов. Отдельные подарки в виде одежды, украшений, еды приносятся женщинами в дом невесты. До наступления ночи женщина, поверенная в делах от имени семьи жениха, наносит визит в дом невесты, где передает ей определенную денежную сумму («*махайа*»).

Утром после брачного торжества молодая жена получает подарок от мужа («*сабахийа*»),

«*субхийа*»). Подарками могут быть флакон духов («*итр уарди ау анбари*»), сладости.

Последним элементом жизненного цикла, о котором сообщают авторы книги, являются похороны. До тела могут допускаться только родственники и специально обученные люди. Нередко это занятие закрепляется за представителями низших сословий. Авторы приводят документы, в которых сообщается о назначении двух человек для совершения омовений в Сайуне (с. 35). За услуги работника, который вырыл могилу, и тещу Корана полагается денежное вознаграждение.

Перед похоронной процессией в дом покойного могут входить только те женщины, которые принадлежат его семье. В случае смерти ребенка только родственникам позволяется входить в дом на протяжении недели после похорон.

Период траура в Хадрамауте может составлять от нескольких дней до нескольких месяцев, в зависимости от положения семьи покойного в обществе. Во время самих похорон и в течение трех дней после них мужчины и женщины могут собираться для отправления траурных обрядов и прощания. Еда не предлагается, но кофе подается без ограничений.

В Хадрамауте сильны позиции суфизма, и это находит отражение в документах, народном творчестве, в повседневной жизни. Параграф «Религиозная жизнь и ритуалы» освещает некоторые аспекты религиозной жизни жителей Хадрамаута, включая праздники. В рамках духовной исламской жизни выделяются два праздника — Ид ал-адха (10 зул-хиджа), напоминающий об окончании паломничества в Мекку, и второй — Ид ал-фитр — окончание поста в месяц рамадан (1-го месяца шаввал).

В период месяца рамадан, и особенно в ночь ниспослания Корана («*лайлат ал-кадр*»), жители Хадрамаута навещали друг друга. В это время происходило более свободное общение между женщинами и мужчинами, что критиковалось и даже запрещалось султанами. В подтверждение этому приводятся отдельные документы (с. 37).

Как и во многих других странах, важным элементом народного ислама является посещение могил местных праведников. Освещению этого вопроса отведен подпараграф «Паломничества и посещения мест захоронений». Рядом с поселениями Хадрамаута обязательно находятся могилы местных правед-

ников. Они, как отмечают авторы исследования, «возводятся в соответствии с довольно жесткой иерархией культурного статуса и престижа» (с. 38). Территория, где расположены священные захоронения, называется «*хаута*». Человек, пришедший на поклонение местному праведнику, оказавшись на территории «*хаута*», где расположена одна или несколько могил («*кубба*») праведников («*уали*») (мн.ч. «*аулиаа*»), совершает, таким образом, ритуальное посещение («*зийаара*»). Находясь там, он приобретает исходящие от могилы праведника и духовного покровителя («*маула*») благословение и жизненную силу. В XX в. под влиянием ваххабитской идеологии и местных сторонников идей «иршада» жителей Хадрамаута, посещавших могилы, называли термином «кубурийуна», что фактически приравнивало их к идолопоклонникам.

Наибольшей популярностью среди йеменцев из этой части страны пользуется могила пророка Худа. Характерно, что ежегодные посещения его могилы сохранили черты архаики и сопровождаются фольклорными выступлениями, верблужьими скачками. В ряде документов, рассматриваемых в книге, имеются упоминания о совершении паломничеств.

На основе документальных свидетельств можно составить впечатление об истории и других священных территорий, в частности о Машхаде Али, расположенной в северной части Вади Дав'ан. Эта местность связана с Али ибн Хасаном ибн Абдаллахом ал-Аттасом (1710–1758) и представляет собой комплекс строений, в который входят могилы, мечеть, колодцы, водные резервуары, помещения для приема паломников и развалины старого рынка. О создании могил и других сооружений сообщается в документах, имеющих отношение к Али ал-Аттасу. В книге содержатся даже краткие описания коллективных посещений этих местных святынь, одно из которых позволяет сделать вывод об их массовом характере: «Первыми были представители страты „сада“ на тринадцати лошадях с разноцветными флагами, у каждого свой „байрак“. До двух тысяч верблюдов вступали на территорию ал-Машхада одновременно» (с. 40).

Документы, касающиеся посещений, являются разноплановыми: приглашения к совершению посещения, отчеты об их совершении, финансовые тексты, связанные с просьбой о помощи. Во времена правления в Южном Йемене лидеров марксистской ориентации количество паломничеств к этой могиле су-

щественно сократилось. В настоящее время исламские радикалы стараются запретить посещения захоронений праведников, ритуальную охоту на горных козлов, чтение мистической поэзии и рассказов, поскольку с их точки зрения это не имеет отношения к исламу.

В книге рассматривается традиция охоты на горных козлов. Периодом времени для охоты выбирался осенний сезон. Группы охотников возглавляли предводители «*макадима*» (ед.ч. «*мукаддам*»). Перед началом охоты им предлагался кофе. Когда предводитель брал поднесенный ему напиток, это означало, что он и его люди готовы к участию в этом мероприятии. Документы из поселения Мадуда, расположенного в Вади Хадрамаут, дают наиболее полное представление о связанных с охотой традициях.

Практика чтения вызывающих дождь молитв, как считается, восходит к самому пророку Мухаммаду («*салат ал-истискаа*»). Данный тип молитв выполняется на открытом воздухе, женщинам не разрешается принимать в них участие. Молитвы, призывающие дождь, также могут совершаться во время паломничества к могиле Худа (с. 48).

В параграфе книги «Повседневные обычаи» можно познакомиться с танцами и песнями (с. 49–52), пищей и напитками (с. 52–53), традициями испития кофе и чая.

В подпараграфе «Танцы и песни» рассматриваются не только различные виды танцев, но и сопровождающие их музыкальные инструменты. Наблюдается большое разнообразие песен, среди которых авторы на основе изученных документов выделяют: «*хайбан*», «*шабвани*», «*зарбади*» и др.

Кофе появился в Хадрамауте в XV в., и вопрос о том, является его употребление запретным или разрешенным, широко дискутировался среди местных теологов. Тем не менее, несмотря на сопротивление отдельных наиболее консервативных улемов, кофе был включен во многие ритуалы хадрамаутского общества, опередив в этом другой популярный напиток — чай. В книге описаны предметы, используемые для приготовления чая, включая прибор для кипячения воды, чашечки и др. (с. 57). Их названия приводятся в латинской транскрипции, и можно сравнить местную чайную терминологию с той, которая используется в других частях арабского мира.

Особое место в документах отводится рассмотрению роли женщины в обществе. Авто-

ры выделяют этот аспект в отдельный параграф, который так и называется «Женщины в документах» (с. 59–76). Освещение получили такие непосредственно связанные с женской стороны жизни, как одежда и ювелирные украшения. Авторы обращают внимание, что старые центры производства одежды для женщин в Хадрамауте уступают место крупным зарубежным предприятиям. Рынок в настоящее время наводнен фабричными изделиями, сделанными в основном в Индонезии. Со ссылкой на документы отмечается неоднозначность введения запрета на тот или иной вид одежды, который мог бы считаться заимствованным из индонезийской традиции ношения одежд. В частности, нельзя надевать одежды из шелковой ткани; особенно строго этот запрет распространялся на девочек (с. 61). Отделка вышивкой считалась нежелательной.

Путешественники, которым удавалось побывать в Хадрамауте, отмечали большое количество украшений, которые носили на себе женщины. Помимо эстетической, разнообразные женские украшения выполняют еще одну важную функцию — социально-информативную. Они подчеркивают статус женщины в обществе, указывают на финансовые возможности семьи. Часть ювелирных изделий являются амулетами, оберегающими от дурного глаза, а также способствующими деторождению. На характер украшений воздействовали многие культуры — эфиопская, индийская, культуры Юго-Восточной Азии. Среди украшений бывают золотые. Бедуины, традиционно привыкшие довольствоваться самым необходимым, умышленно ограничивают себя использованием только серебряных изделий (с. 66). В косметических и ритуальных целях, как и в других арабских странах, используют хна, кардамон.

Авторы книги обращают внимание на материалы, используемые в домах жителей этих районов Южной Аравии для изготовления посуды, отдельных предметов мебели: тамариск, пальмовые листья. В различных бытовых целях широко используется глина. Документы разных эпох, рассматриваемые в данном труде с разной частотностью, упоминают те или иные материалы и предметы быта.

Последний параграф первой части книги назван «Риторика документов». Искреннюю похвалу и благодарность авторов рецензируемой книги заслужил Абд ал-Кадир ас-Саббан, который отдал много сил сбору и систематизации исторических архивных материалов.

Вторая часть монографии представляет собой подборку факсимиле документов, арабских текстов и их качественный перевод на английский язык.

Представленная монография М.А. Родионова и Х. Шёниг является очень полезным комплексным исследованием, позволяющим реставрировать картину материальной и духовной культуры значительной области Южной Аравии — Хадрамаута. Она позволяет продвинуться дальше в понимании и изучении связей Йемена с другими арабскими, азиатскими и африканскими странами, взаимовлияния арабской и других восточных культур, глубже узнать роль йеменских общин, проживающих в других регионах, в социально-экономической жизни принявших их обществ.

Авторы вводят в научный оборот большое количество архивных документов, касающихся различных сторон жизни йеменского общества.

Подготовка и издание такого труда безусловный успех. Книга представляет значительный интерес для широкого круга исследователей — арабистов, социологов и культурологов.

И.В. Герасимов, О.Б. Фролова

А.И. Колесников. Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с.

На карте мира найдется не слишком много государств, которые бы характеризовались языковой и этнической преемственностью с древнейших времен по настоящее время. К таким странам, бесспорно, относится Иран, или Персия. За более чем две с половиной тысячи лет своего существования Иран прошел долгий путь исторического и культурного развития от цивилизации к цивилизации, от империи к империи. Несмотря на смену религий, что само по себе означает решительный перелом всего жизненного уклада и изменение культурного вектора страны, Иран, всякий раз эволюционируя и возрождаясь в новых условиях и в новой форме, неизменно сохранял свою идентичность, оставаясь Ираном. При этом, в какой бы форме Иран ни возрождал свою государственность, он оказывал глубокое воздействие на соседние страны и регионы. По этой причине «исторический Иран» намного шире Ирана в географическом и тем более в современном политическом смысле. Этот термин применим не только к

территориям собственно Ирана и Афганистана, но и ко всему обширному региону, простирающемуся от Южного Кавказа до Центральной Азии и Северной Индии. Хотя каждая эпоха в истории данной страны и характеризуется своими специфическими особенностями, главный цивилизационный водораздел, «рассекающий» историю Персии на два принципиально отличных отрезка, проходит все-таки по линии доисламский — исламский Иран, и связан он с переходом Персии от зороастризма к исламу в качестве господствующей религии. Изучение доисламского Ирана представляет определенную сложность по сравнению с мусульманской Персией. Это связано с целым рядом факторов, из которых назовем лишь необходимость использования чрезвычайно широкого круга ранних источников, представленных на многочисленных восточных языках, что само по себе требует весьма высокой профессиональной эрудиции исследователя, включая владение языками источников.

Книга А.И. Колесникова целиком посвящена именно доисламскому Ирану — тематике, к которой, в том числе по указанной выше причине, не очень часто обращаются авторы в России, на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье. Она представляет собой авторскую переработку избранных публикаций А.И. Колесникова. Подобный свод работ одного автора, опирающийся на определенную традицию в востоковедении (ср., например, монографию О.Ф. Акимушкина и др.), несомненно, представляет собой ценный вид научного труда, так как в нем бывают собраны воедино обновленные и дополненные новыми источниками и данными работы, объединенные единой тематической канвой и характеризующиеся последовательным развитием конкретного направления исследования. По сути, такая монография являет собой плод многолетних изысканий углубленного в тему специалиста и в этом смысле бывает воплощенным в едином масштабном труде научным наследием данного автора, крайне ценным как для специализирующихся в этой области современников, так и будущих поколений исследователей.

Книга А.И. Колесникова полностью соответствует такому определению. Она вобрала в себя избранные публикации автора за период с 60-х годов XX в. до начала XXI в. (а всего у него более 160 работ), которые получили высокую оценку специалистов и не утратили

своего научного значения и поныне. Последние включают и две серьезно переработанные и дополненные новыми разнообразными источниками монографии: «Иран в начале VII века» (Л., 1970; перс. пер. Тегеран, 1977) и «Завоевание Ирана арабами» (М., 1982).

Исследование А.И. Колесникова представляет собой весомый источниковедческий исторический труд. Автор вырисовывает картину сасанидского Ирана (династия Сасанидов правила Персией четыре столетия — 224–651 гг.), делая особый упор на период последних правителей этой династии. Он пришелся на время, когда достигшая в VI в. огромной мощи и силы держава стала обнаруживать признаки политической слабости, которая выразилась в династических переворотах и смене правителей. Автор привлек весьма широкий круг разнообразных источников на языках среднеперсидском, греческом, армянском, сирийском, новоперсидском и арабском. Изложение истории предваряется подробным разбором этих источников. Письменные источники дополняются теми, которые специалисты относят к разряду вспомогательных и нетрадиционных и информация которых менее подвержена тенденциозности, чем сочинения официальной историографии. Это печати и буллы должностных лиц государства, серебряные и медные монеты, юридические и хозяйственные документы. Их главное достоинство в том, что они синхронны описываемой эпохе и содержат ценную, не «отредактированную» современниками информацию о стране и ее обитателях, которой историк должен непременно воспользоваться для создания большей полноты картины жизни общества, отделенного от нашего времени четырнадцатью столетиями. Большой объем разноязычных источников позволил автору сделать многочисленные сопоставления, сравнить фактический материал и точки зрения историографов. Все это дало возможность провести глубокий анализ состояния внутренней и внешней политики государства Сасанидов в конце VI — начале VII в. и проследить на основе имеющегося в распоряжении материала изменения в социальном положении мелких собственников и крестьянства.

Однако не только чистой истории посвящена книга А.И. Колесникова. В ней дается обзор и делается подробный анализ административно-государственного деления и устройства сасанидского Ирана, на основе исследования различных нарративных, эпиграфиче-

ских и нумизматических памятников определяются государственные границы и очерчивается административное деление империи Сасанидов с указанием исторических областей, входивших в провинции Ирана, и их границ на рубеже VI–VII веков. В этом несомненное отдельное достоинство настоящей книги.

Для новой книги автор помимо двух своих монографий предложил более десятка статей по ключевым вопросам истории и культуры сасанидского периода: административному устройству державы Сасанидов, проблеме рабства в стране, отношениям центральной администрации с конфессиональными меньшинствами, роли христианства в политической и духовной жизни общества, последствиям арабских завоеваний для древних цивилизаций Ирана и стран Центральной Азии, и др.

Изложение исторической части начинается с правления Хормузда IV (579–590 гг.), охватывает эпоху Хосрова II Парвиза (590–628 гг.) и далее период междоусобиц (628–632 гг.) при Каваде II Шируйе, его сыне Ардашире и при последующих правителях и достигает времени завоевания Ирана арабами с изложением событий военно-политической истории, связанных с этим цивилизационным переворотом в истории Ирана. При этом немалое место в книге уделено Бахраму Чубину — исторической и легендарной личности в истории Ирана, ставшей также мессианской фигурой под именем Шах-Бахрам в религиозной литературе, вторичного прихода которого

впоследствии на протяжении столетий ожидали зороастрийцы.

Завоеванию Ирана арабами в книге уделено особое внимание. Исследованию этой темы, посвященной событиям, ознаменовавшим столь решительный перелом в конфессиональном и культурном развитии страны, автор посвятил многие годы своей жизни, результатом чего явились главы книги, в которых рассматриваются факторы, приведшие к ослаблению державы Сасанидов и в итоге к ее падению под натиском арабских завоеваний. Отметим как представляющие отдельный интерес содержащиеся в этом разделе две редакции письма пророка Мухаммада сасанидскому шаху Хосрову II Парвизу.

Монография А.И. Колесникова содержит приложение — русский перевод арабского текста из «Книги длинных известий» Абу Ханифы ад-Динавари: «Завоевание Ирана арабами» (Иран при «праведных» халифах).

Сказанного достаточно для того, чтобы охарактеризовать настоящую книгу как высококачественное научное исследование, содержащее ценнейший материал. Оно, безусловно, займет свою уникальную нишу в отечественной и мировой науке и станет важным источником и пособием для многих поколений историков, востоковедов, религиоведов, культурологов и прочих специалистов.

Ю.А. Иоаннесян